

Елизавета Васильева
НАСТАЛА БЕЛАЯ ПТИЦА

Москва

2008

Совместный издательский проект
клуба «Классики XXI века»
и серии «Русский Гулливер»

поэзия

основан в 2007 году

Руководители проекта *Вадим Месяц*
Елена Пахомова

Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Оформление серии *Маргарита Каганова*

Васильева Елизавета

Настала белая птица. Стихи / Серия «Русский Гулливер». / Литературный клуб «Классики XXI века»; М.: Изд-во Р. Элинина, 2008 — 68 с.

ISBN

© Васильева Е., 2007
© Жуков И., 2007
© Каганова М., оформление, 2007
© «Русский Гулливер», 2007
© «Классики 21 века», 2007

об авторе

Васильева Елизавета Валерьевна родилась в 1984 году в городе Иваново, окончила филологический факультет Ивановского Государственного Университета, в настоящее время преподает культурологию в Казанском Государственном Университете (г. Казань).

Стихи публиковались в «Литературной газете», в журнале «Poetry Monthly» (Китай), в антологии «Братская колыбель» и интернет-изданиях. Любит кошек и не любит бабочек.

предисловие

Елизавета и духи

Елизавета Васильева — поэт романтический в подлинном туманно-германском смысле этого слова (или нео-нео-неоромантический). Она часто не видит и не желает видеть подробностей и конкретностей, она — то где-то в небе, то где-то под землей, то где-то внутри своего тела и т.п., но всегда — далеко (весьма по классическим романтическим канонам), никогда — рядом. Ее стихи — это некие непреднамеренные визионерские колдовские музыкальные пассажи и пассы, структурируемые внутрисущей филологической культурой. Она нередко «ловит» и записывает тексты без помарок, боится по-другому, чтобы «приемник» не сломался — ужасно трансцендентно-правдивые тексты, до надоедливости, потому что все время с постоянным углублением в тему напоминают, например, о еврипидовом, заявлении: «кто знает, может, жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь». В этом поэтическом мире уже не «срабатывают» традиционные противопоставления: жизнь — смерть, небо — земля, реальное — ирреальное, добро — зло, имя — предмет, мужское — женское, любовь — абсолютный индифферентизм, целомудрие — сладострастие и т. п.

Елизавета Васильева не знает, что хочет сказать и не может знать. Одна из главных черт ее поэзии — визионерское воздержание от суждения при ощущении потустороннего. Она видит и слышит духов, что ли, — некие трансцендентные сущности-имена. Всевозможные евы, анны, белоснежки порхают вокруг нее, в ней и ее текстах. Она свидетельствует — и только. Ее стихи, как лучи энергии, пронзают насквозь, сопротивляясь интерпретации, и меняют на мгнове-

ние чтения (впрочем, пожалуй, не только на это мгновение) существо читателя. Так мы иногда не можем вспомнить, что нам снилось, но остается настроение не припомненного сна.

Елизавета Васильева крайне зыбко ощущает себя в действительности. Но инстинкт самосохранения все же требует минимальной основательности. Наверное, чтобы хоть как-нибудь укорениться, она, свидетельствуя, поневоле создает свой фантомный мир, заклиная и колдуя непонятными и непонятыми словами и фразами, услышанными от духов. Мир романтический, но создателю его присущ неизбежный визионерский позитивизм: все явления — человеческие и нечеловеческие — уравниваются в сетке каких-то отнюдь не каждым уловимых общих давящих закономерностей. Мир жутковатый, но ровно настолько, насколько жутковато все прекрасное, если его попристальной рассмотреть.

Игорь Жуков

ЛЮБОВЬ ДЕДА МОРОЗА

Дед Мороз любит Инну ибо
ее имя похоже на иней неба
дворы мостовая стены как бы
открытые настезь дрожью озноба

трамваи троллейбусы есть еще разве что
за окнами слово Адмиралтейство словно
иглой каждой складки привычной шторки
через дорогу третье окно слева

знать когда Дед Мороз — смелость
Инна мертва не похожа не просит босая
сугробы, асфальта нет, обнаженности малость
малейшая малость не мерзнуть плясать не таять

и он возвращается под Новый Год к Инне
к босым ступням и нагим настезь окнам
на иней похоже небо, дворы и сани
ребенка идущего по замерзшей воде с нимбом

Я ЖЕ НЕ КАМЕНЬ

когда он приходит домой
с потолка его гостиной
падают яблокияблоки
это значит я стою под водой
замерла как стрела
а вокруг все шевелится
обвивает меня
и я раню я выбиваю из неба
выпиваю дыханье своим острием
и одетая в бронзовую чешую
продолжаю гудеть глухо гудеть
а потом и вовсе становлюсь
чем-то бесформенно-мохнатым
как расцветающая метла

он скажет я умерла была
а я не была умерла
я же не камень

БЫ

если бы мы хоть раз встретились
по пути друг к другу в трамвае
ты запомнил бы номер моего билета
я запомнила бы размер твоей обуви
и потом снова встретившись по пути друг к другу в трамвае
ты сказал бы 23014
я сказала бы август в окне
в верхнем правом углу окна
ты сказал бы нарисовал бы там август
я сказала бы нарисовала бы треугольник
ты сказал бы нарисовал бы улыбку
я сказала бы нарисовала бы поцелуй
ты сказал бы нарисовал бы стер частичку БЫ
я сказала бы нарисовала бы частичку БЫ
и вышла на твоей остановке

МАЛЕНЬКАЯ

еще маленькая была
ходила в детский сад трепетала
от слова любовник сама не знала
не понимала от чего этот трепет —
кругом буквально сплошной детский лепет
надо бы старше
было 4 годика
а он тогда как раз женился
на первой этой она и сейчас впрочем
жена а не на правах птичьих

а воспитательница в детсаде —
женщина в климаксе
привела в группу дочку свою — блаженную
подумала тогда что только на таких и женятся
эта блаженная всегда мечтала
(этот факт и сблизил сначала)
и теперь ездит в том же трамвае
когда трамвай от него домой возвращает

вообще городок маленький
мужчин хороших мало
это и в 4 и в 14 понимала

ЯБЛОКО ВО МНЕ

будто рыба на Луне
словно семечко в арбузе
как скользящая медуза
ходит яблоко во мне

поскользнулось — упадет
и покатится без дела
словно бы давно созрело
словно завтра расцветет

ах мой грех во мне горит
я Лолита или Ева
яблоко как королева
смотрит в небо изнутри

* * *

она стояла и смотрела
как в небе в белых одеждах в розовых мечтах в наручниках
плыла ее тень

она пошла за хлебом
по дороге встретила
соседку умерла вернулась
проверить заперта ли дверь
дверь была
заперта но не та а уютюг был включен
и записка:

«Я птица стала улетела
на юг отсюда точнее
на юго-запад короче
вернулась к мужу Пока»
и подпись совсем незнакомая
«Люба»

а она и так устала
что за Люба была выяснять не стала
по стене оседала

тень по небу летала рыдала летала

МОЙ АМСТЕРДАМ АННА

Мой амстердам анна
я подарю тебе красный бутон
фонарик — не спи на него смотри
за стеклом так близко от глаз ползают муравьи
заставь свои пальцы научиться у них:
замри расцвети коноплей ходи по воде
телефон молчит продлевая сегодняшний день
никогда — это не завтра, действительно никогда
Мой амстердам анна
летит летит самолет
архангел я вижу в иллюминатор поет наш ад
позови меня и я не вернусь назад
назови меня стервой исцарапай мое бедро
Мой амстердам анна
в сентябре еще так тепло —
научись у моих муравьев как рожать меня
(запомни: чтобы понять только тебе на иностранном)

СЧИТАЛКА ПТИЦ

искала небо там где его нет
забиралась в подвалы ездила в Питер лазила в интернет
было 13 птиц — их кормила ласкала
отпустила потом чтобы не тосковали
одна улетела в трамвае
долго металась в поиске выхода —
все думали, кто-то умер, расступились затихли
две другие просили бились стонали
стали в концы концов одной двуглавой
3 полетели служить Ивану Царевичу
выручили его ему доверились
7 — сгорели в огне — исчезли
только одна восстала из пепла воскресла
лишь она, последняя, увидела небо
дождалась его и
ослепла

КАРТАВЫЙ СОНЯ

когда бессловен — верно безусловен
но слово возникает как сапог
Картавый Соня видит сотню сотен
сапог а может птичьих стай и в чем-то бог

Картавый Соня на своем окошке
за край схватившись как свисток висит
он безусловен если из сторожки
его увидит сторож и спасет

но стоит слово сторожу услышать
но стоит слово Соне прокричать
как упадет второй оставив крышу
а первый в запертую дверь начнет стучать

но дверь нема а значит безусловна
и неоткрыта — молчалив замок
Картавый Соня как корабль на волнах
поет о том что каждому свой бог

а Сонин бог мы знаем птичьи стаи
а птичьим стаям свойственен полет
Картавый Соня в небесах растает
но сторожа картавый смех спасет

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

А мне тогда будет 3 года кажется от рожденья
я буду воскресать воскресать воскресать и воскресну куклой
кукла говорящая катя
не курить не сорить
посторонним вход воспрещен

Число 3 февраля год 1978
маша с петей играли в войну
петя оторвал мне голову

Число 17 апреля год 1943
мою оторванную голову
несет течением грязной Мойки
иногда внутрь заплывают рыбки

Число 11 марта год 1984
моя голова стала камнем ожидания
(это наверное от мыслей и дохлых рыбок)
на набережной помню Бродского...

Распахнула кукольные мои голубые глаза смотрю
в небо
мне тогда будет 3 года кажется после смерти
я буду умирать умирать умирать
и воскресну
?

АННА ЗЕМНАЯ, ФАЛЬШИВАЯ И ЗИМНЯЯ

А. ЗЕМНАЯ

Над городом вечерним задувая фонари
шалили мы
и анна мой король мне бросила перчатку
и села на плечо
пойдем мой друг ты вызов неба приняла
мы легче воздуха нам дан цветок ночей.

...вот женщина и вяжет шарф и ждет
она так любит свет домашних звезд
к ней в дом упавших в межсезонье
прицелься — перекресток рам оконных
разметил путь для стрел амура
она очнется раненой на утро
она найдет свою весну
весною

в дорогу мой король
не разбуди ее своим теплом...

...вот женщина рыжеет и лежит
встречает осень в жалах желтых трав
и жжет ее желанье изнутри
и жизнь из-под травы
ей разжигают муравьи
и желуди целуют ей живот
она дрожит

спешим же мимо анна поскорей
зачем ей трон твой — трон небесных королей...

...вот женщина из снов плетет венок
он по воде плывет
к ней голубь с восточкой летит
и ветви ивы тень ее хранят
и где-то странствует ее поэт
она поет

и нам не место в ее солнечных полях...

нас утром примет влажная земля
от неба спрячет напоит собой
укатится корона я скажу
что ты слепа раз выше крыш
не видишь и последний свой этаж
ты называешь страшной высотой
смеешься анна анна-жанна дарк
ты смотришь вниз испытывая страх
зовет не небо — стрелки на часах

иди по питеру но знай ты под водой
и я над Исаакием с тобой

А. ФАЛЬШИВАЯ

оказалось что талисман который мне анна дала
который я сжала в ладони чтобы не потерять
этот кусочек мрамора растаявший от тепла
на самом деле яблоко и в нем была ледяная печать

когда с печати стаял лиловый лед
стало заметно что в яблоке перламутр
оказалось и даже анна не помнила этого много лет
что яблоко было ракушкой с морем спрятанным внутри

когда я прислушалась к морю поняла что там
что-то стучалось и просилось на волю и тихо стонало

анна мне пришлось разбить твой талисман
это было сердце о котором и ты не знала

А. Зимняя

две божьих коровки — слеза и слеза —
с детской ладони взлетели покинув твои глаза,
на небесной карте луна им разметила путь,
жена и жена стали они луне, грусть и грусть,

звезды упали с твоей груди — трава и листва,
сгорели в осенних кострах — земля и зола,
укатились кольца с пальцев — выдох и вдох,
остыли в бокалах — вино и вино,

ты статуя стала, анна, покинула как всегда
ночные проспекты, земли, шумные города,
твои невесты с порога сметают твои следы,
ты сидишь на кухне и кофе давно остыл,

ждешь звонков, но на улице снова весна,
а ты снова упрямо выбрала зиму и снова одна.

ХИРОМАНТИЯ ЕВЫ

по весне линии разлетелись с руки
смешались с перекрестками городов
ева связала из них гамаки
для бессонных ночей и для сладких снов

ева вышла за яблоком а на улице гололед
ева вышла а монетку с собой не взяла
за яблоком а принесла вино и мед
и у двери нашла лодку и два весла

когда лед растает я сяду и поплыву
по улице как в венеции и не утону
соберу все яблоки и одуванчики и траву
все венки и линии на руке заново переплету

ЛУНА АНАСТАСИЯ

когда ты вошла деревья и лестницы онемели
из горлышка каждой ветки разлетелись буквы и звуки
из горла каждой ступени осыпались звуки и буквы
прошлогоднее яблоко подглядывало сквозь замки и щели

а ты полоснула взглядом протянутые ладони
и кровь и березовый сок засмеялись в весеннем снеге
и ветки легли на ступени в глубоком поклоне
прошлогоднее яблоко прикрыло влажные веки

в ужасе чуда ночного тебя назвали воскресшей
благословение сочилось из коры и лестничных трещин
тебя венчали на царство но ты уснула в моем окне не пошла с ними
я зову тебя луной не зная что это скорее титул чем имя

СТРЕЛЫ

Это не черная птица, это стрела.
Она упала с неба к тебе под ноги, ты ее подняла.

Ты сказала: «Стрела, стрела,
ты не стрела вовсе, а черная птица,
ты махала крыльями, а потом устала,
я нашла тебя, потому что ты упала.
Где-то молчит моя радость, которую я жду».

Ты сказала: «Стрела, стрела,
ты не стрела вовсе, а злая лисица,
ты шла на охоту по следу, а потом устала,
я нашла тебя, потому что ты бежала.
Где-то спит моя радость, которую я жду».

Ты сказала: «Стрела, стрела,
ты не стрела вовсе, а вязальная спица,
ты крутилась-вертелась, а потом устала,
я нашла тебя, потому что ты вязала.
Где-то ждет меня моя радость, а я все не иду.
Покажи мне, стрела, путь, который я потеряла».

Это не черная птица, это стрела,
она упала с неба к тебе под ноги и повела.
А ты ничего не сказала, пошла.

ПИСЬМО НАПОЛОВИНУ СЪЕДЕННОЕ МЫШЬЮ

не припомню когда ты решила стать моим палачом
воскреснув убить меня своим каблучком
дети видят ангела за правым твоим плечом
за левым ровным счетом нет ничего

ничего что мешает взмахнуть топором
что мешает мельничной лопасти сделать круг
несмотря на это я иду к тебе на поклон
несмотря на пустоту сомкнутых рук

а ты снова смеясь рисуешь на мне мишень
но не смеешь стрелять рискуя разбить луну
и злишься на шорох листвы и шорох мышей
догрызающих твои письма ко мне в углу

не припомню когда ты решила стать моим палачом...

РАЗНОВИДНОСТЬ ПОЛЕТА Б.

балерина в белом танцует по небу летит
ее ночь светла вера ее слепа
облака рассекает полет но не взмах крыла
ее дом опустел ее дом ею забыт

в небо смотрит ее кавалер и думает: снег
он звонил в ее дверь но никто ему не открыл
а она распахнула окно совершила побег
в окно влетел ветер и дом замолчал и остыл

в дом заходит ее кавалер и разводит огонь
он сжигает в камине окно чтобы стало тепло
он сжигает дорогу назад остается стекло
и оконная рама и оконный надорванный звон

балерина в белом танцует по небу летит
ее ночь светла: балерина летит на свет
ее вера слепа: она танцует а неба нет
только дождь моросит

30 ДОБРЫХ ЧЕЛОВЕЧКОВ

ветер ветер оголтелый
весь в рябиновых заплатках
ты мое медвежье тело
унеси с собой на запад

с первым солнцем в непогоду
разменяв на мелочь вечер
водят водят хороводы
30 добрых человечков

под холодным небом хмурым
будут бегать и смеяться
будут драть медвежью шкуру
и порвут ее на части
30 добрых человечков

буду им медведем белым
буду им медведем бурым
и чудом выжившего тела
делят и снимают шкуру
30 добрых человечков

ПАПА

я поднимался по лестнице
выше и выше и вышел на небо
я не знал я не думал что небо такое большое
папа я сделаю шоу смешное шоу
после шепотом расскажу что я нашел
наш этаж — последний ты тоже стоишь в передней
мама стоит в переднике просит тебя остаться
ты тоже пришел
посмотреть как фальшиво
машут крыльями те у кого вместо крыльев руки
они тоже боятся разлуки но хлопают в зале
лучше чтобы наш дом — я не знал какой он высокий —
лучше чтобы наш дом не летал не летел
папа мы сделаем шоу страшное шоу
я пошел по крыше первый снег пошел в октябре
еще может растаять
папа мы сделаем тайну
мама стоит в передней в платье из шелка
папа больше мне не придется ходить в школу
я женюсь

3

1 (ОФЕЛИЯ)

город называет свои имена:
любовник любовница чужая жена,
вода много воды Офелия
кадры из фильма
вода как Офелия, Офелия как вода
где тонко — там рвется на небо душа
где тонко — там кромка льда
кто выпьет воды поцелует в губы?
сделает первый шаг?
любовник любовница — кому отражаться
кого отражать
решает само отражение

чужая жена Офелия
целует небо телом впитавшись в асфальт

2 (СНЕГУРОЧКА)

Офелия под водой зовет на небе зовет
смеется смеется танцует русалочки танцы
но выходит из-под воды в час зимы и идет
легкая словно воскресшая странствовать странствовать

час зимы — момент продолжения стрелки в тело
12:00 — время вылета старт в небо сквозь ночь к заре
душа несется светить сверху и вот Офелия —
та же Снегурочка только в январе

Дед Мороз приходил в дома дымоходы проверил
первый снег спрятался в подворотнях по городам

Офелия ходит по небу в зимнем теле
душа ее спит и ждет когда придут холода

3 (БЕЛОСНЕЖКА)

Снегурочка ходит по небу теряет монеты
гном подбирает монеты
луна снова луна а это кажется солнце
2 ночи 1 день 3 светила
шаг ещё один шаг
а это — могила хрустальный гроб
Снегурочки летний дом
придет Холод разбудит её нежность
и будет зима и она завладеет миром
Снегурочка — Белоснежка
звезда снова звезда а это снежинка
и будет зима
но гном приколотит к небу монеты
Большую Медведицу звезд

теплый ковш
ладоней протянутых с неба
прячет гроб Белоснежки
греет её трон

ЕВА И ЗИМА

ева расскажи как ты прячешь зиму в себя
как приручаешь раскрываешь зиме ладони
зима это белая тень твоя
она капля за каплей в тебе постепенно тонет

капля за каплей подтаявший в марте снег
ты сворачиваешь в клубок и сжимаешь в пальцах
клубок превратившись в зерно пускает побег
и ты прячешь его глубоко под самое сердце

и зима кровоточит как скомканная струна
и становится птицей делая тебя слабой
ты ее выпускаешь на волю чтобы она
последним замерзшим плодом падала с яблони

* * *

как мыльные пузыри выдувает из трубочки тени
вечер. меняется карта города
если бы я была по прежнему маленькой
то от такой погоды
залезла бы в яблоко стала бы солнцем стала бы
тень моя белой
вены мои и прочие внутренние лабиринты
светились бы изнутри
можно было бы видеть
как там живут невыдуманные еще
слова и пружинки

БЕЛАЯ ПРОГУЛКА С ОВЕЧКОЙ

безумна зима и бела как никогда и вся
она большая большая кровать
и овечка долли мертва и я
посреди зимы вывожу ее погулять

мы считаем камни и голубей в темноте
по ночам ни те ни другие не спят
голуби на снегу оставляют крылатую тень
а камни похожи на черных чеширских котят

мы подходим к каждому но они почему то молчат
говорим кис-кис но ответ изнутри тик-так
и овечка долли начинает со мной скучать
как всегда и я ускоряю шаг

я бегу от спутницы и как никогда бела
зима и овечка долли не хочет меня оставлять
потому что она мертва и я умерла
и зима моя большая большая кровать

ВОЛЧИЦА-СКРИПКА И ДАМА-ВОЛЧИЦА

волчица-скрипка даме-волчице
плачет о том что ей помнится что ей снится
о том что дом ее покинула птица
смычок забрала умерла ушла:
двери мои мои руки зачем заскрипели с петель слетели
оставили одну раскрыли объятия апрелю
окна мои мои глаза зачем зазвенели упали
увидели облака к облакам улетели
стены мои мои губы зачем закачались запели
отдали тепло ветру ветер ласкали
простыни мои мои хризантемы зачем зацвели забелели
смялись смеялись весну у меня отняли
птица смычок забрала музыку закодовала
музыка колючая стала больно звучит

дама-волчица скрипку утешает по волчьи молчит

ТЕКСТ КОТОРЫЙ ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ МОИМ

серебро брошено и затоптали
возможно это значит что снова снег завтра
и дома снова озябнут от сна под утро
и лень по-кошачьи свернется в остывшей постели

молчанье не значит что третий - лишний
крыши и кроме крыш и много еще места
но моей рукой пишет тот кто выше
поэтому я молчу исключая себя из контекста

КАЖДОЕ ЯБЛОКО

и бросая яблоки через окно в чужую весну
ты ждала какое из них принесет ответ
и ослепший окнами дом старался уснуть
но на пороге уже шевелился рассвет

каждое яблоко — маленький шарик кулак
в котором закрыто письмо на сотни замков
каждое падало под ноги но за шагом шаг
перечеркивали возможность раскрытия слов

каждое яблоко — солнце бубенчик звонок
отозвался бы кто-то кто признает его своим
каждое брошено — в руки но мимо рук
катилось текло не переставая звонить

каждое яблоко — взгляд ледяное кольцо
отдавая голос асфальту поет звучит
каждое помнит твое дыханье твое лицо
растерянное оттого что весна молчит

ЭРМИТАЖНАЯ КОШКА
(НЕ ПЕЙЗАЖ ГОРОДА)

Изгнанный переменчивый Петербург, прими меня,
мое тело холодеет в тебе за пару минут.
Москва со звоном колоколов и звонких монет
забылась в себе, устала и хочет уснуть.

Петербург, город, крысы покинули твой борт.
Крысы ушли, боятся вернуться назад.
Прими меня, камень, я шла к тебе морем вброд,
ты слышал мой голос, чувствовал лед в глазах.

Петербург, отреченный-черный, меня прими,
я стану статуей, львом у твоих ног.
Мой палач ждал меня на соседнем пути.
Мой плач никогда не услышит ни одна из дорог.

Петербург, прими, я останусь собой с тобой,
я устала от звона хочу твоей тишины.
Петербург я уже иду, уже под водой,
уже стала волной Невы, камнем канвы
набережной, Эрмитажной кошкой...

ДЮЙМОВОЧКИ ЧЕРЕЗ СТЕКЛО

поглотили все снежные цветы цветочки
распустили свои лепестки тянут страшные снежные лапы
рождаются из цветов снежные бабы дюймовочки
будут заглядывать в окна плакать

эта плохая привычка через стекло
с дюймовочками целоваться
а потом весной когда будет тепло
узнавать их по отпечаткам пальцев
узнавать из газет — их имена на дороге — следы
загораживать шторы и хлопать им под занавес

меня приняли за мишень снежные злые цветы
поглотили мой город невест Иваново

ОТ ЗИМЫ

1

Не просыпайся
Пока не растаял снег
Страшнее чувствовать, чем оставаться видеть как вечер
Всегда пульсировавший на запястье теперь
Погас и впитался со снегом в землю

Когда-то билось а теперь
Бьется наружу
Пробивается сквозь мерзлую землю
Само незнакомо себе робкое сердце

(посмотрев на часы сразу становишься прошлым даже для себя,
так и помнишь: черед
покойников с твоими повадками статуэтки
между которыми ничего:
равенство камня и пустоты)

и лучше не просыпаться
так и лежать-улыбаться не чувствовать
боли, сердцем сквозь землю биться
не вспоминать, что так некрасиво валяться, когда
не можешь пошевелиться и снег только
на языке нафталин в волосах.

2

убегая от зимы — самой зимней твоей зимы из мыслимых зим
собери побольше кленовых листьев и
журавликов оригами
как только выпадет первый (последний) снег
собирайся в дорогу листья

бросай перед собой и они как клубок
поведут на север, где живут еще много зим
(так твоя зима не сразу учует след)
а назад
пускай журавликов, отдавая в плен горстку букв
стихов искоканных взмахом крыльев
не оглядывайся и беги пока холода
не станут привычными, пока
не забудешь имени самой зимней своей зимы, пока
не забудешь все не написанные слова
все равно это будет значить
что она настигла тебя
но не заметишь как
последний журавлик уснет под остывшим сердцем

3

мне зима зима зима
самолеты в голове
изломали горизонт
только небо только снег

на краю зима зима
между снегом и землей
повернулся шар земной
самолеты голоса

птица птица самолет
нежелезная душа
пробивается сквозь снег
вьет гнездо на волосах

мне остыли веки дуть
мне забыли зимы путь
я планета самолет
небо небо горизонт

ИСИХИЯ ДВОРНИКА СКВОРЦОВА

я молчу и в воздухе образуется белый шарик
он скатывается на пол и валяется под ногами
Дворник Скворцов приходит ко мне на ум
и замечает шарики в угол
из привычки все замечать
потом мы достаем из кармана
и распиваем бутылку водки
и молча спорим о белых шариках
чем еще заняться под вечер
когда устаешь от работы?

а в углу за метлой мыши
грызут белые шарики
которые все прибывают
приняв их за яблоки
я молчу
и мыши сыты
и кошки

АНГЕЛЫ И АДМИРАЛТЕЙСТВО

Сколько ангелов, совершая свои перелеты,
поранились о шпиль Адмиралтейства,
сколько ангелов пало в объятия
внизу ожидающих девочек,
тех, что, лаская, щекочут тела пернатые,
тех, у которых ногти покрашены красным
и перевязаны полосы на запястьях.

Как под водою предательски тени шевелятся.
Вне притяжения город среди ураганов,
среди забывающих.
Среди умирающих есть легче воздуха.
Души ворует увядший закат,
под водой только камни.

Редкая птица
вспомнит, пролетая над Питером,
что она вовсе
ангел.

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Невский

протер меня до дыр до пыли
посадил в ладошку в лодку в одиночную камеру
эрмитажные кошки грызли меня шипели у ног ласкались
волны следы стирали ступни стирали перед глазами плыли

бросил меня

в колоду игральных карт — шестерку бубей
поселил между рукой и рукой между водой и водой
жуки-короеды прогрызли в колоде миллионы ходов
пройди лабиринт в Ирландию попадешь скорей

схватил меня

положил на зеленое сукно на музыку на край окна
спрятал в рукав в сундук в мостовую
да не тут-то было — не убил даже француз поджигая Москву
продралась сквозь Питер-льняную рубаху сквозь туманы сквозь сон

стою за плечом — видишь на стекле от дыхания след?
стирал проигрывал а меня как не было так и нет

ЛИЗА-РОЗА-ЛИЛЯ

Лиза смотрела на бордовый
бутон розы:
затягивала глубина
доводила до черноты точки до истерики
— *АИ-АИ* — сказала Лиза
— кабинет на Лубянке *АИ*

ЛИЛЯ: пугает это изменение эта линейность
все что могло напоминать его
исчезло выпрямилось сгладилось
после его звонка после страшной гостиницы
ничего не осталось
кроме этой вот розы
которую смотрит Лиза
которую я курю
превращая
действительность в дым и пепел
я тоже ее разглаживаю распрямляю
и вижу себя и чувствую пульсацию своего тела
экстаз единственно
возможная форма существования

ЛИЗА: посмотрите Лилечка осень
опять осень
обратится к небу — над крышами над ночью
мне снится что вы меня курите
а вы меня курите
это так жестоко так нежно
посмотрите Лиля
в небе летит какая-то тень

ЛИЛЯ: спокойствие наступает
потому что это не птица — птицы не извиваются
это наверное за мной

Лиля докуривает Лизу
обе исчезают
роза падает под ноги женщине
смотрящей в небо

РОЗА: Айседора опять шарф потеряла
носится за ним

ОН — НЕ ОН

смотрела в небо: а если птица умрет
умрет не завершив свой полет,
что будет?

сестра Александра сказала:
он видит все и всех любит

но в то, что
когда птица летит,
я чувствую колыханье внутри артерии
чувствую, как цветок под левой грудью горит,
она не поверила

вероятно не он — другой
водит моей рукой
прикрыла ладонью глаза — слышу шуршат крылья
но вдруг превращается в черную точку полет
и я боюсь посмотреть и увидеть
как опали лепестки моего цветка
как они остыли

ПОЧТИ НАД КРЫШАМИ ПОЧТИ БЕЗ СОЗНАНИЯ

На небе певичка развратная просит:
окно круглого света не летай
так быстро
я выбрала тебя и небо твое не кончающее
ни песню ни полет ни взгляд
я мертва я потеряла белое
свое платье чертова белье черное и зачем
я летаю здесь как ты фонарь узкоглазый
я не летчик я тебя люблю проклиная цвету дымом
ты окно ты нимб неба если смотреть изнутри не снаружи
ты душа уголок души моей надо мною
я не каюсь не кланяюсь не пою я умерла снова
я встретила петербург такой город холодный
петербург покинул воду впервые звал на гастроли
я хотела петь а не в небо уткнуться
на наше застолье
на свадьбу пригласить некого
ты мелькаешь окно ты кругло в своем свете тебя нет
а я злая я не одета я боюсь твоего заката
я ослепну от дневного света

СООБЩЕНИЕ НОВОГОДНЕЙ ЕЛКИ

меня нарядили вчерашними газетами
детки шалящие между веток
растает снег и наступит лето
и детки шалящие между веток
пустят кораблики и самолетики
детки шалящие между веток
и зашалят под водой без зонтика
детки шалящие между веток
и зашалят над крышей без лодок
детки шалящие между веток
и заберутся в пчелиные соты
пчелы шалящие между веток
и прогрызут рыболовные сети
рыбы шалящие между веток
и проползут по ячейкам света
змеи шипящие между веток
и промелькнут в щелочках ветра
газеты шуршащие вместо веток
и просмеются в кусочках ваты
рыбы плывущие вместе с лодкой
и просмеются среди веток
детки скомкавшие газеты

ПЕРЕЛЕТНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ

на чердаке нашла себя в журнале:
моды, весна, 1914 год, корсет не жмет
до этого цвела была хризантемой
прижималась всем телом к холодному кирпичу
потом на лепестки с крыши упала капля абсента
превратилась в бабочку
меня поймали и засушили в журнале

фотограф со старым аппаратом
просит позировать в корсете, зима, 1914 год, корсет не жмет
до этого его пальцы гладили мне волосы
холодные губы целовали шею
он шептал: инна не бойся уедем в Париж
я узнавала его только имя не мое

еще не хватало в Париж
вообще-то я на небо шла
прямо с земли в 2003 году
стала подниматься по лестнице
и попала куда-то не туда
значит на небо — это назад
через всю историю пока не достигну момента
когда моя душа была птицей
лучше вернусь

перелетные мельницы отправлялись на север

8 КОШЕК

(песенка)

В стене моей 17 камней — в любой есть 17, но чаще — больше.

Моя лестница из 7 ступеней, окно не слепое — 2 глаза.

Мои кошки презирают лестницу — лучше прыжком в глаза,
благо тепло и первый этаж.

В глазах моих кошек больше огней, чем в огне,
если включить газ.

Мои кошки презирают любого Ромео, заглянувшего на свет.

8 кошек не позволят мне стать Джульеттой, не позволят
себе приходить по лестнице — по лестнице хожу я.

Мои кошки втайне презирают меня, мои песенки,
мои тайные страсти, слово «РРЫ», означающее восторг.

Мои кошки делают вид, что меня нет или их у меня нет.

У меня есть дорожка из желтого кирпича, приводящая в оконный свет.

ОДУВАНЧИКИ ОСЕНИ

кто-то звонит в мою дверь — я не слышу звонка
я схватила рябину за ветку как ласточкин хвост
на прощание на пол упала холодная гроздь
осень
и осы уснули в моих позвонках

*город сегодня прощался с деревьями — они готовятся к полету
люди собираются на улицах машут шляпами и белыми платочками
дети со страхом смотрят вверх и срывают на память листья
собирают осенние букеты
я в детстве тоже смотрела вверх мечтала улететь*

деревья тянутся в небо каждой веткой
они забывают землю и окна и лица
выстрел — и в воздухе только листья
в открытые форточки — влажный октябрьский ветер

*когда летишь понятно что деревья — это одуванчики
одуванчики осени
так легко легко и не страшно
и видно все как со стороны*

деревья бросились вверх и яблоки звездны
(кто-то — не помню лица — вошел в квартиру)
под чужим каблуком корчится гроздь
холодной рябины

РУСАЛКА

смотрит смотрит
через свое ледяное окно
смотрит в небо
небо страшное в небе совсем темно
по небу плывут и плывут
небесные корабли
и две звезды
упали
растопили ледяную кромку окна
и уже
небо сверху и небо снизу
и только она
одна
поет поет и песня летит
и уже слышна
и небесным и морским кораблям
корабли как звезды падают
к ней в окно
и на морское дно
потому что они корабли
потому что на небе темно темно

ЕСЛИ

Как птицы обрушиваются на голые камни колени
Как тени осыпаются но засыпают снегом немотствуют
Если и встану то буду остыну а если буду останусь

Как стены вплетаются в сети синие вены
Как соты моросят несущееся сердце
Если и буду останусь а если останусь согреться

Как стебли колесици солнце в холодные пальцы
Как пепел пыльцы пляшущие запястья
Если и буду земля ластиться а если земля — листья

КОРОЛЬ И ФЕВРАЛЬ

расплавь меня и растай на король и февраль
и будет не я а маленькая звезда
светящаяся спираль
кубики света на шейной цепочке замершая метель
осевшая в корке земли не привыкшая быть землей

и будет не я а сплетенье корней скрещенье костей
разбитые на фонемы имя и тень
прибитые к бронхам капсулы выдох и вдох
стекающие в канавы стежки волос

и будет не я а свети свети из земли
венами скрученными в спираль
скомканными в февраль когда
похожее на снежинки движение небесных тел
неизбежно отражено в стеклянных зрачках

ПРО НЕБО И ВОДУ

умирая вода устремляется в небо оставляя
свою любовь свой невнятный шепот
спрятанный в каждой ракушке осевший на каждом коралле

вода говорит: это тело мое умирает а я не умираю
потому что остается любить меня все что я оставляю
это мой язык вылизал все швы земли, каждый ее шов
это мои руки тело земли ласкали

но вода говорит: капитаны проснитесь покиньте землю я ваша земля
прикажите всем кораблям отправляться в путь поднимите все якоря
корабли рождены для неба и я их с собой зову
корабли на земле не могут найти приют
и вода говорит и за ней корабли идут

небо видит сон о воде отражаясь в воде
небо прячет в себя корабли кутает в плед
небо молчит ему не присуща речь небо хочет быть
водою небо хочет плескаться и течь и плыть
но у неба нет языка и оно не может любить

(ГОРИЗОНТ)

1. ЗЕМЛЯ

день переходит в ночь и повисают
в воздухе самолеты которые
день и ночь местами меняют
и замирают
в этой точке деревья которые
двигают землю шагами
и расправляют складки воды
тяготея к началу своих молекул

отсюда же начинается первый зов
тех кого до этого не было
здесь же заканчиваются следы а дальше дороги белы
здесь ничего нет пока не двинется дальше тело
земли, поддетой стелкой часов

2. НЕБО

отправляясь в дорогу спрыгивая с земли
падаю в небо: люби люби
целуй в висок колючими звездами останься во мне
а я оставлю тебе капельки крови на холодных шипах
ты же небо тебе неизвестно тепло ты недвижимо тебя нет
тебе имени нет тебя нет тебя нет в живых
ты никогда не живешь тыходишь как первый снег
остаешься внутри
не таешь и иначе не можешь
и зима прорастает сквозь кожу
но осень еще в крови
пульсирует

ВСЯКИЕ КАТАСТРОФЫ

1

руки пахнут железом всю ночь город старался
украсть мое сердце но в тело не помещался
и это убийство невозможно пока невозможно
стать раковиной все вместить пока распластана
на простыне и в разрезы пробивается воздух

тот кто придумал ночи и города в них выдумал
не учел что ночью они совсем не кажутся выдуманными
а город войдет спокойно и сердце вынет
и поселится в теле и скрутит все вены а потом по-своему вытянет

и будешь дрожать и не в силах справиться с дрожью
позволишь в себе проложить порожки и рельсы железнодорожные
и будешь всю ночь не спать и ощущать под кожей
всякие катастрофы железки покореженные

и думаешь только дождаться утра может и не начнется другая ночь
и сердце вернется на место и будет стучать
и все это внутри позвонков и в мозжечке перестанет стучать
а не наступит мне утро так все равно замолчит

2

за чертой, все темнеющей, сначала повторяются
собственной тенью потом смешиваются в одно и растворяются
и превращаются в совсем уж живых предметы
и живут совсем как будто меня в комнате нет
как будто не замечают что глаза мои еще открыты
и замедляют мне время растягивая минуты
чтобы не наступало утро

и не видно где кончается темнота а я начинаюсь
я полость и ночь своей пустотой меня наполняет
я пластмасса ни один мастер меня не переплавит
я кукла ни один суперклей моих кукольных век не склеет
ни один снег на ресницах моих не растает
ни одна рука глаза мои не закроет

и взгляд стекленеет

и ночь бесконечна бесконечно себя повторяет и множит
и взгляд на циферблат на минуты крошит
и в каждой минуте своей друг на друга похожей
ничего другого кроме своей пустоты не покажет
и в темноте себя уже не обнаружить
и только ее минут становится больше и больше
а меня все меньше

* * *

и песок изучает тебя пока ты светишься
легкими касаниями по коже — под кожей комок запрятанный снежный
а ты изогнешься и исчезнешь
черно-белая фотография
смотрит глазами тебя непохожими и нет
и нет больше

а земля оставляла и тебя и без крыла и без укрытия
такая причудливая поза: застыли и никого злые глаза
и этого уже не будет с нами никогда а если вернуться
не будет больше отражаться ни небо мертвое ни метры между
ни глаза в глаза и свечение стирается
и нет больше

но тот кто смотрел со стороны был посторонний
а мы изогнулись и перешли на другую сторону
к чёрту песок! на другие карты смотрели — нет ли снега?
а сонный норильск в сердце остыл сигналил
и снег первый украл нас прежде чем растаять и мы прокрались
не замеченные ни прохожими ни попутчиками
и не больно

ГЕОГРАФИЯ

по утрам расцветает каждая заводская труба и улицы
потягиваются вытягиваются чтобы когда все проснутся
выглядеть так как привычно а ты а я
не проснулись опять не проснемся нас опять не узнают

мы спим по утрам свернувшись клубочком
в клубочком свернувшихся улицах
так ближе друг к другу так медленнее расставаться
так короче — от твоего дома до моего — все расстояния

марина ты и я немножко марина пока ты спишь
как спали когда в глаза осыпается свет рекламы
как спали в дороге к столице как спали в казани
в вене в нью-йорке во всех городах мира

как спят и дыханье во сне неуловимо
и движение не заметно и слишком быстро
как спят перебравшись в другую совсем половину
сна и не разбудит ни поцелуй ни выстрел

МОРЕ

разбитое на куски по асфальту и разлитое в воздухе дымкой
было море но устало быть морем и хочет домой
было морем а мечтает стать просто водой
было глыбой но устало быть глыбой и хочет быть льдинкой
было болью а хочет стать колыбельной

потому что когда ты маленький то становишься корабельней —
когда ты большой, тогда корабли как точки —
а когда ты маленький корабли кажутся больше
и пускать их проще по лужам и капитаны смелее
и плыть легче
и пути ближе от одного до другого края
капитаны бумажных яхт вернутся быстрее
когда ты маленький тебя укроют и спрячут
а когда ты большой в тебя можно только верить

так думало море плескаясь в твоих ладонях
стекая по волосам оставаясь на коже солью
море бросало тебе ракушки с каждым прибором
так море желало остаться тобою
тобою быть
так морем
прикрыв мне глаза рукою
становишься ты

НАСТАЛА БЕЛАЯ ПТИЦА

настала белая птица
из квартиры выносили газеты
рассортированные по годам
перевязанные суровой веревкой
эrogenные зоны комнаты

настала белая птица
что ты плачешь мой мальчик
из газет мы сделаем крылья
нарисуем воздушного змея
мы совсем еще дети

настала белая птица
что ты боишься мой мальчик
смешное рыжее солнце
постареет только под вечер
мы спрячем его в коробку

настала белая птица
заглянула в окно весной
и оставив перо на память
скрылась в темных ветках сирени
в единой системе циферблатов

не было нимба мальчик мой нимба не было

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Об авторе</i>	5
<i>Предисловие</i>	7
ЛЮБОВЬ ДЕДА МОРОЗА	9
Я ЖЕ НЕ КАМЕНЬ	10
БЫ	11
МАЛЕНЬКАЯ	12
ЯБЛОКО ВО МНЕ	13
«она стояла и смотрела...»	14
МОЙ АМСТЕРДАМ АННА	15
СЧИТАЛКА ПТИЦ	16
КАРТАВЫЙ СОНЯ	17
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ	18
АННА ЗЕМНАЯ, ФАЛЬШИВАЯ И ЗИМНЯЯ	19
ХИРОМАНТИЯ ЕВЫ	22
ЛУНА АНАСТАСИЯ	23
СТРЕЛЫ	24
ПИСЬМО НАПОЛОВИНУ СЪЕДЕННОЕ МЫШЬЮ	25
РАЗНОВИДНОСТЬ ПОЛЕТА Б.	26
30 ДОБРЫХ ЧЕЛОВЕЧКОВ	27
ПАПА	28
З	29
ЕВА И ЗИМА	31
«как мыльные пузыри выдувает из трубочки тени...»	32
БЕЛАЯ ПРОГУЛКА С ОВЕЧКОЙ	33
ВОЛЧИЦА-СКРИПКА И ДАМА-ВОЛЧИЦА	34
ТЕКСТ КОТОРЫЙ ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ МОИМ.	35
КАЖДОЕ ЯБЛОКО	36
ЭРМИТАЖНАЯ КОШКА (НЕ ПЕЙЗАЖ ГОРОДА)	37

ДЮЙМОВОЧКИ ЧЕРЕЗ СТЕКЛО.....	38
ОТ ЗИМЫ.....	39
ИСИХИЯ ДВОРНИКА СКВОРЦОВА.....	41
АНГЕЛЫ И АДМИРАЛТЕЙСТВО.....	42
НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ.....	43
ЛИЗА-РОЗА-ЛИЛЯ.....	44
ОН — НЕ ОН.....	46
ПОЧТИ НАД КРЫШАМИ ПОЧТИ БЕЗ СОЗНАНИЯ.....	47
СООБЩЕНИЕ НОВОГОДНЕЙ ЕЛКИ.....	48
ПЕРЕЛЕТНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ.....	49
8 КОШЕК(песенка).....	50
ОДУВАНЧИКИ ОСЕНИ.....	51
РУСАЛКА.....	52
ЕСЛИ.....	53
КОРОЛЬ И ФЕВРАЛЬ.....	54
ПРО НЕБО И ВОДУ.....	55
(ГОРИЗОНТ).....	56
ВСЯКИЕ КАТАСТРОФЫ.....	57
«и песок изучает тебя пока ты светишься...».....	59
ГЕОГРАФИЯ.....	60
МОРЕ.....	61
НАСТАЛА БЕЛАЯ ПТИЦА.....	62

Елизавета Васильева
НАСТАЛА БЕЛАЯ ПТИЦА
Стихи

Совместный издательский проект серии «Русский Гулливер»
и литературного клуба «Классики XXI века»

Руководители проекта

Вадим Месяц

Елена Пахомова

Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Оформление серии *Маргарита Каганова*

«Русский Гулливер»

тел. +7 495 159-00-59

<http://gulliver.commentmag.ru/>

E-mail: a_tavrov@mtu-net.ru

Литературный клуб «Классики XXI века».

Издательство Р. Элинина.

Страстной б-р., д. 6 стр. 2, Москва

Чеховский культурный центр

www.klassiki21.ru/club

Подписано в печать 16.02.2008. Формат 84х108 /32.

Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.

Печать офсетная. Тираж 100 экз.

Заказ № 1109